

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Кому не даёт покоя «Карфаген»?

Судя по некоторым средствам массовой информации, атаки на Российскую академию наук не прекращаются. Можно предположить, что в канун очередных выборов руководства РАН они только усилятся. О некоторых непростых вопросах сегодняшней жизни научного сообщества наш корреспондент беседует с академиком В.К. Шумным.

— Владимир Константинович, даже недавняя доброжелательная в целом статья Андрея Угланова «Карфаген должен быть разрушен» в «Аргументах недели» свидетельствует о том, что проблема отношений власти и академической науки не только существует, но и обостряется. Как вы полагаете, почему это происходит?

— Я бы не сказал, что на данном этапе в целом есть проблема отношений со всей властью. Власть в целом признаёт лидирующее положение науки в нашем обществе, скорее, надо говорить о недоверии Российской академии наук со стороны некоторой части чиновничества. Собственно, это возникало в истории неоднократно. Известно, что тот же Н.С. Хрущёв не раз высказывал недовольство деятельностью Академии, грозился её разогнать, и однажды, в 1961 году, президент АН СССР Александр Николаевич Несмеянов на его публичное резкое замечание ответил следующим образом: «Ну что же, Пётр Великий открыл Академию, а вы её закрываете». Вскоре ему было предложено покинуть свой пост.

Лёгкой жизни у научного сообщества почти никогда не было. Не приходится рассчитывать на неё и в настоящее время, когда уже произошла ломка всего общественного устройства и происходит демонтаж многих прежних структур: экономических, оборонных, образовательных и т.д. Понятно, что власти приходится приводить в соответствие с новыми условиями жизни многие институты, но нередко это делается недостаточно продуманно, в том числе и что касается науки и образования.

Несколько лет назад мы уже пережили очередной этап реформирования Академии, но, судя по всему, чиновничество на этом не успокоилось. Относительная самостоятельность РАН кое-кому не даёт покоя. Думаю, что довольно большая доля государственной собственности, прежде всего на землю, находящаяся в управлении РАН и её региональных структур, тоже является лакомым кусочком для молодого российского капитализма: как это так, столько земли, зданий, сооружений, судов, транспорта и т.п. почему зря, по мнению некоторых, пропадает? А тут ещё масла в огонь подливает постоянное желание ускорить инновационное развитие экономики. Что само по себе объяснимо, но крайней здесь зачастую оказывается Академия, хотя ей прежде всего присущи функции сугубо научные, то есть получения новых знаний.

Если полвека назад М.А. Лаврентьев, создавая Сибирское отделение, опираясь в практической деятельности на мощную отраслевую науку, формировал к тому же свой пояс внедрения — СКБ, СКТБ, Опытный завод, заключал союзы с крупными госпредприятиями оборонного комплекса, получал крупные госзаказы от ведомств, и та же политика по сути проводилась по всей стране, то сейчас Академия наук действительно переживает очень сложное время, — нет структуры, помогающих ей находить выход на практику, на промышленность непосредственно. Многие в этом направлении делается как со

стороны власти, так и со стороны самой Академии: развиваются технопарки, наукограды, Сколково, предпринимаются попытки со стороны научных учреждений выйти на договорные отношения с госкорпорациями и крупными компаниями... Всё это так, но системной государственной политики в этом вопросе пока нет, она только нащупывается.

Отсюда возникает желание ускорить эти процессы, и кому-то кажется, что Академия наук слишком неповоротлива, что её надо непременно подогнать под западный образец, сосредоточить науку в университетах, ликвидировать нынешнюю структуру. На мой взгляд, если это произойдёт, то у нас лет на пятьдесят наступит полный научный коллапс, и мы в мире науки будем на несколько десятилетий отброшены назад. Как это уже произошло, кстати, с образованием: мы имели одну из самых мощных и успешных систем, а сейчас откатились по всем оценкам в пятый десяток стран, не самых передовых.

Я уж не говорю о том, что академическая наука существует не только в России — схожие процессы выстраивания научно-исследовательской работы есть во Франции, Китае, некоторых других странах, где академии наук пользуются большим общественным весом и авторитетом. А у России действительно своя судьба, за триста лет РАН доказала свою жизнеспособность, и время, даже самое бурное, не раз показывало, что Академии нужно не разгонять, а эволюционно перестраивать, чтобы она отвечала нуждам сегодняшнего дня. Именно с Академией наук связана реализация крупнейших научно-технических проектов в нашей стране: атомного и атомно-энергетического, космического и т.д.

Понятно желание жаждущего реформ чиновничества: через переуплотнение науки под западный образец полностью взять контроль над ней и командовать всем научным процессом. Убеждён, что ни к чему хорошему это не приведёт. Не раз уже происходило в нашем Отечестве: там, где дело отдаётся на откуп чиновникам, по сути бюрократическому аппарату, мы терпели крах.

— В кулуарах и даже в прессе уже высказываются мнения насчёт будущего руководства РАН. Насколько они обоснованы?

— На мой взгляд — на уровне домыслов. Происходит выработка позиции РАН относительно будущего академической науки, я лично надеюсь, что ничего радикального всё-таки не произойдёт. Принципиальные позиции власти и научного сообщества определены, дело, как говорится, за деталями, правда, очень важными. Всем понятно, что нужно двигаться вперёд, находить цепочки взаимосвязи науки с практикой, с промышленностью прежде всего, формировать для науки современный госзаказ, в том числе и от оборонного комплекса, что касается биологических наук и химии — от отечественной фармакологии и т.д.

Понятно, что в руководстве РАН должны быть компетентные современно мыслящие и очень порядочные люди, хорошо понимающие задачи сегодняшнего дня, как это было в прошлые, тоже весьма непростые десятилетия, когда Академией руководили такие масштабные личности, хорошо знающие науку и производство, как М.В. Келдыш, А.П. Александров, Г.И. Марчук.

Юрий Сергеевич Осипов очень много сделал для выживания науки в сложный период, все мы были свидетелями настоящих боёв за сохранение науки и в Москве, и в региональных структурах. Ближайшее будущее покажет, насколько и власть, и академические круги готовы к развитию плодотворного диалога. В том числе и по дальнейшему развитию науки. А не так, как это произошло в образовании, когда тот же ЕГЭ внедрялся, несмотря на негативное отношение к нему и среди многих учёных, и среди общественности. На мой взгляд, РАН в наше непростое время должна становиться

главным научным экспертом и советчиком власти. Увы, пока этого не происходит. Деньги в стране сейчас есть и немалые, но тратятся они нередко впустую.

К тому же наука не должна развиваться сама по себе, в отрыве от задач, стоящих перед экономикой, обороноспособностью страны. Что касается экономики, то и здесь пока мы не видим глубоко продуманной стратегии. Время от времени возникают перспективные планы развития по одной отрасли, то другой, регионы тоже вроде бы не отстают, но всё это напоминает лоскутное одеяло, потому что параметры берутся за основу разные, в том числе и временные. Понятно, что в наше время пятилетний план как основа развития в прежнем виде уже вряд ли возможен, но необходимость единого планирования сегодня, на мой взгляд, уже назрела, и наука могла бы принести в этом деле большую пользу.

Вспомним относительно недавнее прошлое: и в правительстве Н.И. Рыжкова, и даже в новой России учёные-экономисты играли очень важную роль. Сейчас общество просто не знает наших ведущих учёных.

— А может быть, некоторые «научные программы» типа «500 дней», или слишком резкие высказывания некоторых учёных просто отпугивают власть?

— Частные случаи не могут рассматриваться как система отношений с властью. В своё время, например, академик Андрей Алексеевич Трофимук позволял себе очень жёстко говорить даже с секретарями ЦК КПСС о судьбе озера Байкал, вплоть до того, что собирался вообще уходить с работы заместителя председателя СО АН СССР. К счастью, этого не произошло. Михаил Алексеевич Лаврентьев подчас вёл себя по отношению к властной власти весьма резко, и его побаивались, потому что у него был прямой выход на Хрущёва. Но в целом отношения с властью всегда должны быть конструктивными и взаимоуважительными.

— Нередко в прессе можно встретить суждение, что якобы российская наука очень сильно отстала от западной. Так ли это?

— Это полная чушь, и если и можно сегодня говорить о каком-либо отставании, то это касается в первую очередь технологии. Не работает, как надо бы, связка нашей науки с экономической практикой, с производством. А что касается собственно научных исследований, то в последние годы у нас окрестил приборная и материальная базы, случается, что гости Института цитологии и генетики СО РАН бывают поражены нашим уровнем, оборудованием лабораторий и т.д. За последнее десятилетие мы очень сильно шагнули вперёд.

Полвека существования Сибирского отделения показали, насколько плодотворным было прожитое время. У всех на слуху общие достижения и наработки типа комплексного научного подхода к решению многих проблем на основе междисциплинарных исследований, единства науки и образования на примере Академгородка. С нас брали и берут, к счастью, до сих пор пример многие страны в создании условий для научного поиска. Но, кроме того, практически каждый институт имеет свои вершины достижений, а самые крупные — общепризнанные научные обобщения мирового уровня.

Что касается Института цитологии и генетики СО РАН — это прежде всего работа Дмитрия Константиновича Беляева по доместикации животных. Эта работа до сих пор одна из самых цитируемых в мировой научной прессе, её знает весь мир, мы до сих пор сотрудничаем в этом направлении со многими зарубежными научными центрами. Человечество перешло на оседлый образ жизни где-то около двенадцати тысяч лет тому назад, начало окультуривать животных и растения и воспроизводить их. По сути это первый интеллектуальный проект человечества, который продолжается вот уже тысячелетия. Дмитрий Константинович воспроизвёл этот

процесс за несколько десятилетий и вскрыл все его механизмы, открыл возможность воспроизводства новых видов окультуренных животных и растений. Это одно из самых крупных научных обобщений XX века.

— О чём, по-вашему, свидетельствует последний скандал с Высшей аттестационной комиссией?

— Во-первых, всё о том же самодовольстве и самоуверенности чиновничества. В прежние времена ВАК, как правило, возглавлял авторитетный учёный с академическим званием. (В частности, одним из председателей ВАК был наш земляк академик Евгений Иванович Шемякин). Пост этот очень важный, и прежде государство опиралось в работе ВАК тоже на Академию. Но потом почему-то посчитали, что здесь справится и рядовой чиновник, к тому же, как оказалось, не очень честный. Понятно, что диссертационный вал возник ещё до Феликса Шамхалова, но при нём он расцвёл особо пышным цветом: уж очень престижно стало иметь кандидатскую и даже докторскую научную степень тем же чиновникам из госаппарата, бизнесменам, депутатам и т.д. Все пороги, ограничения — формальные и моральные — на этот счёт были сняты: защищайся, кто может! И назидались до такой степени, что если прежде из общего количества диссертаций, поступающих в ВАК, процентов 80—85 приходилось на долю естественных и точных наук, и процентов 15—20 — на долю общественных, то в последнее время положение поменялось с точностью до наоборот. Авторитет научной степени, естественно, сильно пошатнулся.

Не так-то просто защитить научную диссертацию в математике, физике, химии, биологии, геологии. Я работаю председателем диссертационного совета института с 1985 года и знаю, как сложен путь молодого учёного в настоящую науку. Ещё до представления диссертации в диссертационный совет соискатель должен пройти три отборочных этапа: лабораторный семинар, межлабораторный семинар и получить рекомендацию учёного совета. Плагиат здесь исключается, коллеги хорошо знают, до чего стоит и на что претендует. «Сито» соискатель проходит очень частое, и спрос очень велик, ведь речь идёт не только об учёной степени кандидата, но и об авторитете научного учреждения.

Если раньше я сам подписывал, допустим, кандидатский диплом, который нам присылали из ВАК, то потом обстановка переменялась, и дипломы стал подписывать в Москве Шамхалов. Почему, зачем?

— Как можно наладить работу по утверждению учёных степеней, сделать её прозрачной и честной?

— Коротко я бы ответил так: больше доверия научному коллективу! Во всём мире вы не найдёте аналога ВАК — это чисто российское государственное чиновничье изобретение. Мне приходилось держать в руках дипломы PhD, они, как правило, выдаются самим научным учреждением, университетом: ректор такой-то имеет честь подписать данный документ, который выдаётся господину такому-то со всеми причитающимися привилегиями и т.п. Университет несёт полную и окончательную ответственность за данного доктора философии. Думаю, что рано или поздно и мы должны прийти к тому же положению. А если уж ВАК всё-таки существует, и нужно наладить его работу, то его функцией должно быть утверждение диссертационных советов научных учреждений. Чтобы там не было случайных людей, хотя у нас, в Академгородке, их и так не бывает. Если человек защитил диссертацию в ИЯФ или в Институте математики — этого достаточно, всем понятен данный уровень требовательности. Это могут быть и объединённые диссертационные советы, но вся их работа должна быть прозрачной, тогда не будет почвы для коррупции.

Подготовил А. Надточий, «НВС»
Фото В. Новикова